

Холли Уильямс
Какого года любовь

Holly Williams
What Time is Love

Холли Уильямс
Какого года любовь

Роман

Перевод с английского
Эвелины Меленевской

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
У36

Художественное оформление и макет АННЫ ХОРАШ

Уильямс, Холли.

У36 Какого года любовь : роман / Холли Уильямс; пер. с англ.
Э. МЕЛЕНЕВСКОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-17-152884-3

История разворачивается трижды — в 1947 году, в 1967 году и в 1987 году. И всегда она начинается с того, что двадцатилетние Вайолет и Элберт встречаются и влюбляются с первого взгляда. Но мир вокруг них каждый раз новый, с новыми установками, приоритетами, целями. Меняется мир, и меняется отношение к классовым различиям, к вопросам пола, к роли женщины в обществе. Выстоит ли любовь, спасет ли она? Или новые социальные ориентиры окажутся важнее?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-152884-3

- © Holly Williams Ltd. 2022
- © Э. Меленевская, перевод на русский язык, 2023
- © А. Хораш, художественное оформление, макет, 2023
- © ООО “Издательство АСТ”, 2023
Издательство CORPUS ®

21 января 1927 года

Часы показывают 6.42, когда в Абергавенни, что в Южном Уэльсе, в спальне на верхнем этаже стандартного коттеджа, втиснутого между другими такими же, Ангарад Льюис плотно сжимает зубы и тужится еще раз. Она рождает девочку, которой вскорости даст имя Вайолет, кроху с темно-синими глазками, что молча смотрит на мать, когда акушерка уносит ее стеснить и запеленать. В тот же самый момент, в 6.42, на другом конце страны, в устеленной полотенцами комнате в восточном крыле Фарли-холла неподалеку от Нарсборо, это Северный Йоркшир, Амелия Бринкхерст издает последний залп брани, меж тем как ее сыночек прорывается себе в мир. Весь красный, Элберт Перегрин Бринкхерст торопится распрямить свои длинненькие конечности, ряззывает рот и заходится криком.

Глава 1

Апрель 1947 года

Все началось с письма. Письма на розовой бумаге, которой всегда пользовалась подруга Роуз, и которое Летти перечитывала снова и снова с тех пор, как два месяца назад нашла его у себя на пороге.

В апреле мы с Берти отправимся в пеший поход по Брекон-Биконс — и разве это не в ваших краях? Как ты смотришь на то, чтобы нам повидаться? Я так просто умираю, как хочется!

Когда Летти прочла это в первый раз, при мысли о том, что она обнимет подругу и ей выпадет случай познакомиться с младшим братом Роуз, Берти, ее окатило легкой волной возбуждения. Теперь день настал, и Летти нервно потягивала лимонад, пощипывающий пузырьками нёбо. В “Овечку” она явилась загодя, на полчаса раньше, не особо доверяя автобусам, курсирующим между Абергавенни и Бреконом. Заняв потертое кресло в том закутке паба, куда женщины

допускались¹, расправила складки любимой юбки, чуть взбила свои темные кудельки. Ну не глупо ли, укорила она себя, так трепетать! Но с Роуз они не виделись с конца войны, когда работали телеграфистками в Лондоне, а с Берти и вовсе встретятся в первый раз.

Однако ж ее всегда занимала мысль о нем, с тех самых пор, как обнаружилось, что родились они в один день. Роуз, которая в войну командовала целым батальоном телеграфисток на центральном почтамте, при поступлении на службу всякой новой девушки имела обыкновение пометать, когда у той день рождения, чтобы поздравить, когда подойдет час.

— Двадцать первого января? Представь, и мой братик Берти родился тогда же! — воскликнула Роуз. — А тебе тоже восемнадцать?

Летти кивнула.

— Чудеса!

Роуз, явно под впечатлением, повнимательней на нее посмотрела, и Летти стало приятно, что у них с Роуз есть точка соприкосновения. Было в ней что-то, в этой высокой яркой девушке, что нравилось Летти вопреки тому, что они, это же видеть сразу, совсем из разных миров. Такую внятную и мелодичную речь Летти доводилось слышать прежде разве что из радиоприемника.

Она расспрашивала Роуз о Берти столько, сколько могла, чтобы не показаться назойливой. В голове у нее сложился его портрет: элегантный, учтивый молодой человек в смокинге, рассуждающий о Гомере. Высо-

¹ В Великобритании вплоть до 1982 г. закон разрешал отказать в обслуживании женщине, зашедшей в паб без сопровождения (*Здесь и далее прим. перев.*).

колобей занятия, чем в Оксфорде изучать классические языки и литературу, считала она, на свете нет, так что Берти наверняка ужасно учен и собой подавляет.

Заметив, что почти уже прикончила свой лимонад, она поигралась с мыслью, есть ли у нее время до их прихода выпить еще стакан. Но в целом как-то в голове не укладывалось, что они, Роуз и этот Берти мифический, и впрямь могут сюда, в их местный паб, явиться.

Не будь войны, они с Роуз, конечно, ни за что бы в жизни не встретились. Летти считала, что в ином случае она сама вряд ли уехала бы из Южного Уэльса, а светские дамы вроде Роуз такие места, как почтовое отделение Абергавенни, посещать обыкновения не имеют. Правда, проработали они вместе совсем недолго: стоял 1945 год, и уже маячил конец войны, когда Летти поступила на Лондонский почтамт.

Огромное здание на углу улицы Сен-Мартин-Ле-Гран кишело девицами, которые до того и думать не думали, что им доведется работать в Лондоне или даже что вообще доведется работать. Щебеча и порхая там, подобно воробышкам в ветвях дерева, от духозахватывающих, нагнетающих страх сирен и от вида развалин отвлекались они тем, что приток солдат и офицеров не иссякал, в Хаммерсмит-пале шли танцульки, а Вест-Энд блистал шиком.

Летти прибыла туда, сбитая с толку не меньше других; никогда раньше в столице она не бывала. Но прошло несколько недель, и Лондон она полюбила. Покачивалась на заднем сиденье автобуса под звоночки, оповещающие, что сейчас остановка, под тарахтенье мотора. Высокие здания перекрывали собой небо, в обширных парках народу было

полно. Она подолгу блуждала, что не рекомендовалось, по разрушенным, безымянным улицам. Впервые в жизни она была сама по себе и вдали от дома. Независимость волновала. И все больше нравилось ей знакомиться с самыми разными людьми: в дешевой гостинице, где она поселилась, обитали еще четырнадцать девушек. По вечерам, за общими чаепитиями, они сблизилась стремительно и сердечно. Похоже было на то, что и невидимые стены между людьми тоже оказались разрушены.

Роуз была их, телеграфисток на центральном почтамте, лидером, столпом и опорой — жизнерадостная, убежденная в том, как важен их труд для победы, она помогала не унывать одиноким, подавленным и нервным. В первые недели пребывания Летти в Лондоне Роуз приняла ее, не устающую всему изумляться, под свое крыло и даже пригласила как-то в отель на чай с тортом (“Мне эти дурацкие деньги девать некуда — так позволь же тебя угостить!”). И Летти поразилась тому, как легко оказалось с ней разговаривать — по-настоящему разговаривать, по душам, — несмотря на все их несходство.

— Странное дело, но эта война, — как-то сказала Роуз за чашкой чая в гостиничке Летти, где по стенам ползла плесень, — тем, что нам сделалось необходимо работать, она привнесла в нашу жизнь цель и смысл.

Летти подняла глаза, чтобы посмотреть ей прямо в лицо.

— Кому “нам”? Ты имеешь в виду женщин вообще или только таких, как ты?

Роуз покрутила в пальцах свою светло-каштановую прядку, и Летти стало неловко из-за того, что она

намекнула на разницу в их происхождении. Так-то она старалась не слишком задумываться над тем, что отец Роуз был настоящий лорд, а у подруги есть и титул, и земли.

— Женщинам. Девушкам, — ответила Роуз. — Если бы не война, единственным нашим делом было бы подыскать себе мужа и все такое.

— Ну, я и так работала в Абергавенни, на почте. Таким, как мы, многим приходится... — мягко проговорила Летти.

Летти устроилась на почту в пятнадцать, когда оставила школу; и без того она проучилась на год дольше, чем считал нужным ее отец. Миссис Кеттерик строго указала ему на то, что Вайолет “очень толковая”, и стала настаивать на том, чтобы городской совет выделил ей одну из немногих стипендий, пусть девочка продолжит обучение в средней школе. Но потом они узнали, что Кэрри Джонс, которая служила в маленьком почтовом отделении на главной улице в Абергавенни, ждет четвертого ребенка, и предложение занять этот пост вместо Кэрри было слишком соблазнительно, чтобы Летти от него отказалась, стипендия там или нет.

— Но разве эта работа не была чем-то вроде временной остановки? — настаивала Роуз. — Способом занять время, пока ты еще не замужем?

— Пожалуй. Хотя сама-то я смотрела на это дело иначе. Но, наверное, именно так относился к нему мой отец.

— Я просто о том, что у многих девушек — ну, таких, как мы, — и в мыслях не было, что придется делать что-то серьезное, от нас этого никогда, в общем-то, и не требовалось, — продолжила Роуз. — О, я знала,

что воспитание детей и ведение домашнего хозяйства станет нашей работой — и это работа важная. Но как-то по-другому, не так ли?

Летти склонила голову набок, показывая, что внимательно слушает.

— Наша служба в военное время — это вынужденно и нежданно-негаданно. И дает повод пораскинуть мозгами. И отлично, как раз самое время — я думаю, женщинам это нужно.

Летти и Роуз грелись дружбой, укрепившейся в силу обстоятельств, но прошло несколько месяцев, и наступил конец. Все размахивали флагами, все порывисто целовались; наблюдая, как светятся радостью лица вокруг, сама Летти ежилась от холодной струйки разочарования. Она знала, что настроение это неправильное, что признаться в нем нельзя даже себе самой. Но видение зимних полей, раскинувшихся вокруг ее дома — голая, фиолетово-бурая земля, затвердевшая в борозды, протянутые в бесконечную даль, — преследовало ее.

Дома, в Абергавенни, Летти стало казаться, что время, проведенное в Лондоне, запечатано и уплывает, почти что воспоминание о том, чего не могло быть. Но однажды по почте пришел лиловый конверт. Все девушки, расставаясь, клялись, что будут поддерживать связь, но только Роуз подтвердила это на деле, доказав, что писать письма любит и отлично умеет. А потом она начала присылать книги.

— Зачем тебе это шлют, Летти? — спросил отец, встопорщив свои густые усы, как это бывало, когда он ощущал угрозу.

Не ответив, Летти вынула пакет из его рук и, развернув, нашла там тяжелый том “Грозового пере-

вала” в кожаном переплете, присланный из “ну просто огромной” библиотеки Фарли-холла, как, величественно на слух, именовалось поместье Роуз.

Отец Летти не особо жаловал чтение, хотя о том, какой он мастак разгадывать кроссворды, по окрестным долинам ходили легенды. Эван пел в церковном хоре, служил на железной дороге и состоял в лейбористах. Но даже одобряя то, что его сыновья — оба младше Летти, оба в ярости из-за того, что не досталось повоевать, — разделяют взгляды Джорджа Оруэлла, он резко выказал недовольство, увидев, как Летти проводит воскресенье за книгой, у камина, усевшись с ногами в кресло с ветхой до дыр обивкой.

Она пропускала это мимо ушей. Письма и книги давали ей выход в другой мир, и если уж не в безумный, напористый Лондон, то точно не в сонный Южный Уэльс. Они возмещали то, как скукожилась ее жизнь.

Спала Летти на узкой кровати, отделенная от братьев тяжелой старой гардиной, трудилась пять дней в неделю и по утрам в субботу, а в субботние вечера позволяла себе полпинты пива в “Фонтане”. Но порой то, как визгливо веселились в пабе ее приятели, угнетало. Видно, так выплескивает себя почти истерическое облегчение от того, что ты не погиб, думала она, наблюдая за тем, как глаза их горят, а рты силятся что-то сказать, дельного не говоря, как будто быть живым имеет смысл, если только ты плывешь по течению.

Снова взявшись за лимонад, Летти допивала его до дна, когда к ней устремился, путаясь в соломе, которой устелен был пол, какой-то молодой человек.

— Летти?

Ага, вот и он.

Хоть она его и ждала, Летти слегка озадачилась. Уж очень он оказался высок и худ, светло-каштановые волосы взмокли от пота, несколько прядок свесилось на кроткие карие, широко поставленные глаза. — Берти?

“Но где же Роуз?” — подумала Летти, в нарастающей панике сжимая пустой стакан.

“Что мне стоило подождать Роуз!” — подумал Берти, сожалея о своем решении обогнать сестру и явиться в паб первым.

Прежде его не слишком заботила встреча с подругой Роуз. Теперь же он обнаружил, что смотрит в такие глубокие, такие темные, такие синие глаза, каких он, показалось ему, никогда в жизни не видел.

Берти обогнал Роуз на последнем отрезке их двенадцатимильной прогулки по влажной и густой, чем дальше, тем гуще, зелени Брекон-Биконс — с детства укорененная привычка соревноваться, от которой ни брат, ни сестра еще не готовы были отказываться. Роуз было двадцать два, она на два года старше Берти, и ноги у нее так вымахали в отрочестве, что хоть куда, соперничали они на равных. Но теперь он регулярно ее опережал, вот и оказался в гостинице с низкими потолками, где они сняли на выходные довольно убогие комнаты, один, запыхавшийся и на одеревенелых ногах. — Привет-привет! Очень рад познакомиться с вами, Летти. Я слышал... то есть Роуз... она..

Берти производил впечатление человека, у которого куда больше конечностей, чем это обычно бывает, и он плоховато с ними освоился. Простер было в приветствии длинную руку, на полпути передумал, провел взамен дланью по встрепанным волосам, ни-

мало их не пригладив, и уж потом ткнул решительно, указав на пустой Леттин стакан.

— Не хотите ли выпить? Еще что-нибудь... то есть... не могу ли я...

— Полпинты мягкого, пожалуйста, — быстро произнесла Летти.

Берти с большим энтузиазмом кивнул, глядя куда угодно, только не ей в глаза, затем, мотнув несколько раз всем своим длинным телом в сторону бара, переместил наконец к стойке свои конечности и бу-мажник, чтобы заказать пинту горького и полпинты мягкого. Рассматривая его и изо всех сил стараясь не пляться, Летти поняла, как ошиблась в своих представлениях: основываясь на картинках из книжек, она выстраивала в воображении образ какого-то аристократа, которые давно уж, наверно, вымерли, тогда как он обычный двадцатилетний парень, взлохмаченный, в заляпанных грязью брюках.

Вернувшись с пивом, Берти плюхнулся в коричневое кресло с ней рядом, слегка расплескав при этом свою пинту. Оба они уставились на костерок, потрескивающий за корявой каминной решеткой. Длилось это, пожалуй, всего несколько секунд, не больше, но у Летти от молчания все тело заныло, и стиснулись скрещенные в лодыжках ноги.

— Вы не будете возражать, если я скину ботинки? — сказал Берти.

Ступни у него горели. Но, кроме того, возня с влажными шнурками дала бы удобный повод обратить свой взор в пол. Уж лучше так, чем смотреть в лицо, в глаза этой Летти.

Та, помотав головой, дескать, не буду, постаралась ничем не выразить своих чувств.